Шарль Волонский

ШАГ НАВСТРЕЧУ

РОМАН

18+

Шарль Волонский
Шаг навстречу

https://litres.ru/74717983
SelfPub; 2026

Аннотация

У девятнадцатилетнего Саши Басманова есть помятая пачка дешевых сигарет, работа книжного переплетчика, синий шейный платок — единственный подарок матери, бросившей его в приюте двенадцать лет назад, — и мечта скопить денег на билет до Санкт-Петербурга, чтобы стать режиссером. Подарить миру то единственное, что у него получается по-настоящему: чувственность, превращенную в истории на кинопленке.

Мы редко бываем готовы к тому, что жизнь поставит нас на колени. Вот и Саша готов не был. И уж тем более он не знал, что обычный поход на почту в мартовский день поставит его перед выбором между совестью, мечтой и тем самым брошенным семилетним мальчиком.

Можно ли снять кино о своей судьбе, когда сценарий за тебя пишет сама жизнь?

Это история о юношестве и сложном выборе между эгоистичным счастьем и поисками себя настоящего. Будешь ли ты счастлив, выбрав лишь собственный путь и свою кривую улыбку, или сожаления о несделанном заставят вечно сутулиться под тяжестью вины?

Шарль Волонский
Шаг навстречу

Глава 1

Двенадцатого марта тысяча девятьсот девяносто девятого года мне пришло письмо. В тот день я как раз заглянул на почту, чтобы в кои-то веки отправить весточку матушке. Скорее из угрызений совести наполовину с любопытством, нежели из искреннего желания узнать, как она поживает. До сих пор поступки этой дамочки меня поражают. И признаться, мои удивленно поднятые брови — вовсе не признак одобрения. Бросать семилетнего сына в приюте на произвол судьбы и отсалютовать синим платочком, садясь на поезд до Ижевска — в самый дешевый плацкартный вагон, к очередному якобы перспективному ухажеру...

Возможно, это я чего-то в жизни не смыслю.

Зато в синих платочках разбираться научился неплохо благодаря матери. Она любила так-сяк повязать их на шею. Эта привычка и мне передалась, вряд ли знакомые когда-то видели меня без синего или голубого кольца на шее. Почта в утро понедельника — место крайне утомительное. Очереди, упрекающие взгляды, споры из-за пустяков. Люди преклонного возраста склонны создавать трагедии вселенского

масштаба, если, не дай Бог, очередной невоспитанный юнец как-то криво встанет в очередь. А если ещё и ответишь что-либо на ворчание стариков — у подъездов заклюют, словно голуби семечки. А уж о том, что именно в городе после этого будут о тебе говорить и с какой скоростью слухи о твоей кривой спине распространятся, нет смысла даже заикаться.

Я пришёл пораньше. Подошел к окошку за марками и конвертом. Передо мной в очереди — импозантный мужчина средних лет. Проседь в каштановых волосах, немного небрежная стрижка средней длины, что, впрочем, придавало ему немного бунтарского шарма; синий шейный платок, костюм-тройка цвета мокрого асфальта. Явно не считает последние копейки до следующей зарплаты. От него ужасно несёт парфюмом. В замкнутом пространстве этот запах кажется удушающим. Слишком резкий аромат, отошел на шаг, чтобы в нос било не так сильно. Он был немного ниже меня, но шире в плечах и гораздо массивнее. Если бы мы сошлись в драке, я едва ли продержался бы больше двух минут. Выглядит так, словно вылез из кинофильма. Бесит своей ухоженностью. Наверняка родители из богатеньких были. Взгляд на мне он задержал непозволительно долго. Особенно — на моём синем платке. Сложилось впечатление, будто он пытался вспомнить, где наблюдал мою приютскую физиономию. Внутренне я поёжился. Слишком уж пытливым был его взгляд. Внешне остался невозмутим. Взял пару листов, конверт. Выдали старые марки по тридцать копеек, придётся

заклеивать ими все углы. Первое письмо матери, и тут почта решила непрезентабельный вид подкинуть. К ценам, сколько ни присматриваешься к ним, привыкнуть не получается. Рубль двадцать копеек! Ещё немного добавить — и можно купить треть буханки ржаного хлеба!

Пошел писать. Пытаться писать. Сел у залитого весенним солнцем окна, пару минут поглядел на суетливых прохожих. Интересно, куда они так спешат? Может, у кого-то из них сегодня день рождения. А кого-то, может, уволили с работы. Не заметил, как пролетели двадцать минут. Пялился то на людей, то на потрескавшуюся краску на грязноватом подоконнике, то на слегка завядший цветок. Подумал, что люди всегда так наплевательски относятся к тем вещам, что не принадлежат им. Потом задумался о том, что написать матери. Поблагодарить за стабильные ежегодные открытки? Бред. Перевел взгляд на девственно чистый лист бумаги. С чего начать? И стоит ли вообще писать? Как-то мне стыдно. Хотя вроде бы и нечего стыдиться. Вспомнил, что если засижусь, не успею на рынок. Наконец я начал:

«Дорогая матушка. Пишу тебе двенадцатого марта. Как ты поживаешь? Как здоровье? Твой нынешний мужчина? Счастлива ли ты с ним? Надеюсь, он тебя не обижает.

Я... знаю, все мы можем ошибаться. И, полагаю, исправимо многое. Если ты позволишь, я хотел бы приехать с новым синим платком. На праздник твой, как в детстве. Помню день рождения с брусничным пирогом. Я буду ждать ответа.

И… Прости мне все мои грехи».

Прочёл раз. Второй. Слишком сентиментально. Слишком не по-мужски, излишне мягко. Я с детства увлекался женскими романами… Матери всегда это во мне не нравилось. Прошёлся по лицу рукой, решил всё так оставить. Сложил в конверт. Запечатал. Пару марок, адрес, который успел выучить наизусть за те прошедшие годы, что она присылала мне открытки в единственный день в году — мой несчастный день рождения. Чувства всегда были противоречивые. С одной стороны — обо мне вроде и помнят, а с другой — я вроде и не особо-то нужен. За те двадцать с лишним минут, что я лицезрел прохожих через окно, собралась небольшая очередь. Передо мной суетливо отправляли письма две женщины. Я стоял ещё минут десять, немного ссутулившись, задумчиво глядя на свои ботинки. Как утомляют эти очереди и медлительность сотрудников почты. Совершенно не шевелятся! Я бы, конечно, тоже вряд ли шевелился, но это не отменяет того факта, что они раздражают.

Поднял голову. Заметил, что тот мужчина уже удалился. И славно, неприятностей с богатеями сейчас мне не хотелось. Если не потороплюсь — опоздаю на вечернюю встречу к школьному другу. Кажется, стоило сегодня встать пораньше. Лёха попросил посидеть с его младшим братом, оставить, видите ли, не с кем. Родители спихнули малого дошкольника на Лёху на время недельного отпуска, а он решил с бабами пойти шататься на второй день, профан. Надо же было

в мой единственный выходной скинуть на меня мальчишку! Ей-богу, отказался бы, да вот только в карты на прошлой неделе проиграл. Хотя, возможно, и не отказался бы. Он-то друг мой, а не выручить товарища мне совесть не позволит, не принято у пацанов так. Дело чести, о которой многие напрочь позабыли в наше время.

Из раздумий меня вырвал оклик молодого, низенького и суетливого юноши. Приемщик. Видимо, недавно здесь, раньше его не видел. — Добрый день, молодой человек. Мне бы отправить, — я положил запечатанный конверт и немного пододвинул к нему.

Он вежливо поздоровался, шлёпнул по нему тяжелым штемпелем, дежурно улыбнулся да и распрощался поразительно быстро. Вот бы им так же работать, как прощаться. Я кивнул, сунул руки в карманы тёмного пальто, развернулся да пошел к выходу. Стоило мне взяться за дверную ручку, как раздался суетливый, взрослый женский голос:

— Басманов? Александр, постойте! Вам тут письмо из Ижевска пришло! Только сегодня с сортировки доставили, я ещё по сумкам для разноса не разложила. Хорошо, что зашли, а то только к вечеру в ваш ящик опустила бы!

Кричала темноволосая, полноватая женщина с непозволительно вульгарным вырезом декольте, на которое, впрочем, смотреть не хотелось вовсе, размахивая несчастным конвертом из стороны в сторону. Это была работница, которая, кажется, влюблена в свою работу. Что можно нахо-

дить в этом почтовом душном хаосе? Мне не понять. Тем не менее, женщина она, кажется, неплохая. Договориться с ней несложно: дама коллекционирует марки и стремится похудеть, поэтому и устроилась разносить конверты. Уже пять лет худеет, всё безуспешно. Принёс ей чего диетического из магазина да пару марок — и она всецело твоя.

Я обернулся, немного вздохнув, подошел к ней, взял плотный конверт.

— Как повезло, что большинство сотрудников знают меня в лицо. Благодарю вас. Доброго дня, — сухо сказал я, вежливо кивнул, мельком взглянул на конверт.

Незнакомый женский почерк. Отправитель — Диана Успенская. Ижевск.

Ижевск? Успенская... Это имя ни о чём мне не говорит. В Ижевске, кроме матери, знакомых у меня нет. Это совпадение меня немного встревожило. Сунул письмо во внутренний карман пальто, прочту дома, дел еще много. На рынок нужно успеть, овощей купить. Оптом дешевле. Пока я отправлял письмо, в 44-е почтовое отделение зашли ещё две бабульки, встали в темном уголке у стола, я даже не приметил их сразу.

— О, Галь, ты посмотри, да это же Сашка Петровны! Он мне с недельку назад помог овощи с Канавинского рынка донести. Сашка, поди-ка сюда, — раздался старческий, но поразительно бодрый женский голос.

Я обернулся у самого выхода. Это уже начинает утомлять.

Я когда-нибудь уйду с этой почты?! Подошел к двум бабулькам с натянутой дежурной улыбкой. Та, что меня окликнула — Зинаида Васильевна. Ей около шестидесяти. Доброжелательная, иногда раздражающе разговорчивая, при каждой встрече то и дело норовит накормить меня чем-то вкусным. Я редко когда отказываюсь. Пирожки с капустой да картошкой лишними никогда не будут. Рядом с ней — Татьяна Михайловна. Знакомая хозяйки моей квартиры. Скромная, в большинстве случаев тихая, но та ещё любительница посплетничать.

— Здравствуйте, Зинаида Васильевна. Татьяна Михайловна, — мой голос звучал спокойно, руки я сунул в карманы пальто.

— Я тут внучатам пирожочков напекла, голодный? Как Петровна поживает? Во дворе последние пару дней не появляется, я подумала, может, случилось что. Не дай бог, конечно! — активничала Зинаида Васильевна, уже начиная рыться в своих сумках, очевидно, в поисках пирожков.

Татьяна Михайловна же… смотрела на меня тем самым укоризненным взглядом бабушки. Будто я действительно в чём-то провинился. Или провинился в том, что родился на свет такой.

— Тамара Петровна приболела пару дней назад. Уже идёт на поправку. За пирожки… я буду благодарен. Но, прошу вас, мне хватит одного-двух, я завтракал с утра, — голос звучал ровно. Я отчаянно пытался скрыть раздражение от на-

хождения в этом душном месте.

Забрав на этот раз действительно пару пирожков в целлофановом пакете и сунув их в карман пальто, наконец пошел к выходу, вежливо попрощавшись.

«Сашка Петровны». Так зовут меня, пожалуй, все пожилые во дворе. Негласная защита от бабы Томы. Приютила — значит, ручается. Я стараюсь оправдывать ожидания. Впрочем, им всё равно всем не угодишь. Кстати, о Тамаре Петровне — старушка, у которой я снимаю комнату в Московском районе за двести пятьдесят рублей в месяц, мешки картошки таскать не может, поэтому в нашем совместном хозяйстве рабочей силой выступаю я. Бабе Томе я благодарен. Намного больше, чем показываю. В наше время отношение к сиротским предвзятое. Если из приюта — обязательно обманет иль обворует. Дочь отговаривала её всячески. Кричала, мол: «Мама, ты с ума сошла?! Кого ты в дом пускаешь? Он же детдомовский, прирежет на старости лет или квартиру отберёт!» Это мне сама баба Тома проболталась, как только я к ней заселился год назад. Она женщина открытая, да и любит над своей дочуркой, которая сейчас в Москве на двух работах вертится, постебаться. Характерная старуха, в первое время уживаться было трудно, бывшая сотрудница Горьковского автомобильного завода, на свой седьмой десяток одна живет.

Духота почтового отделения окончательно меня утомила. Голубой платок на шее уже стал душить и раздражать. На-

стенные часы уже начали отсчитывать десятую минуту двенадцатого. Тяжелая деревянная дверь с неприятным скрипом поддалась, и резкий мартовский, но ещё по-зимнему колючий ветер ударил мне в лицо. Дыхание от резкой и контрастной смены обстановки перехватило на мгновенье. Я зажмурился от слепящего солнца, опустил взгляд на бетонные ступени, от которых свет отражался ещё больше, раздраженно цокнул и отошел чуть в сторону, к невысокому парапету.

Увидел того самого мужчину в нескольких метрах от меня. Всё же он не ушел. Пальто его, несмотря на холод, было распахнуто. Платок не из дешёвых трепал ветер. Меж его пальцев тлела сигарета, дым плавно поднимался к небу, бесследно растворяясь в нём. Я чувствовал нотки дорогого парфюма, что не слышал в спёртом и людном почтовом отделении. Кажется, что-то с нотками сандала и чего-то ещё, понять не смог. От его вида у меня стиснулись челюсти. Слишком хорош. Слишком богат. По физической силе я, очевидно, ему не противник. Раздражающий тип.

Я достал свою помятую пачку дешевого курева, потёртую бензиновую зажигалку с гравировкой альбатроса, что осталась от отца, чиркнул кремнем. Огонь зажёгся раза с третьего. Наконец покурил, первая затяжка выдалась глубокой. Медленно выдохнул, глядя вдаль. Немного скосил голову на мужчину. Он также едва заметно повернул голову в мою сторону. Ещё раз окинул взглядом теперь уж и мою длинную фигуру, платок. Я напрягся, но попытался остаться невозму-

тимым.

Спустя несколько минут этой неловкости, когда мужчина гасил сигарету, он повернулся ко мне всем корпусом, окинул мой платок прищуренным взглядом. Наши глаза встретились.

— Парень. Тебя случайно не Александром звать? Басмановым, — его бархатный, немного прокуренный голос был негромким. И звучал так, будто он знал меня всю жизнь, хотя я вижу его впервые.